18+

НАТАЛИЯ ПОРЫВАЙ

ОСКОЛКИ СОЗНАНИЯ

ИСТОРИЯ НЕ ОДНОГО ПСИХИЧЕСКОГО РАССТРОЙСТВА

Наталия Порывай

Осколки сознания. История не одного психического расстройства

«Издательские решения»

Порывай Н.

Осколки сознания. История не одного психического расстройства / Н. Порывай — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980186-9

Научно-художественный (психологический) роман, раскрывающий тайны расколотого сознания, которое главная героиня собирает по кусочкам, пробираясь сквозь непонимание близких и разрушающих ее душу поступков человека, называющего себя другом.Параноидальная шизофрения и пограничное расстройство личности — вот два кита, на которых держится сюжетная линия, обволакивая их психологическими метаморфозами.Основано на реальных событиях. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-980186-9

© Порывай Н.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие 6
Первая часть. Профессор 7
1. Институт 7
2. Традиция двух пар 9
3. Опять он 11
4. Героев Днепра 13
5. Первый шаг 16
6. Профессор 17
7. Сестра 18
8. Первое свидание 20
9. Сайт 23
10. Караул 25
11. Роман Богданова 27
12. Подруга 29
13. На Mail.ru 30
14. Переход на «ты» 32
15. Он позвонил 34
16. Встреча 36
17. Поток сознания 38
18. Оправдания 39
19. На месте преступления 41
20. Перемирие 43
21. В ВКонтакте 45
22. Германия 47
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Осколки сознания
История не одного психического расстройства

Наталия Порывай

© Наталия Порывай, 2025

ISBN 978-5-4498-0186-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Каждый из нас смотрит на мир через призму своего сознания – уникальную, хрупкую, иногда обманчивую. Но что, если эта призма треснет, разобьётся на осколки, и реальность начнёт искажаться, дробиться, превращаясь в лабиринт, из которого нет очевидного выхода?

Перед вами – история Лизы, молодой студентки, которая, сама того не осознавая, оказывается втянута в опасный танец с человеком, чьё восприятие мира радикально отличается от её собственного. Её чувства к преподавателю Александру – не просто влюблённость, а сложный психологический механизм, попытка удержаться за того, кто кажется ей опорой. Но чем ближе она подходит, тем яснее понимает: что-то не так. Его поведение непредсказуемо – то он нежен и настойчив, то холоден и резок. И только потом Лиза узнаёт правду: у Александра – параноидальная шизофрения. А у неё самой – пограничное расстройство личности.

Эта книга – не просто роман. Это исследование двух переплетённых судеб, двух разных способов восприятия действительности, двух видов боли. Это путешествие по закоулкам психики, где любовь граничит с зависимостью, доверие – с манипуляцией, а реальность – с иллюзией.

Но «Осколки сознания» – это ещё и история города. Киев, с его старинными улочками, шумными площадями и тихими днепровскими склонами, становится не просто фоном, а полноправным участником событий. Он – и утешитель, и молчаливый свидетель, и даже катализатор внутренних метаморфоз героини.

Автор мастерски соединяет художественный вымысел с научной достоверностью, погружая читателя в мир психических расстройств без упрощений и штампов. Если вы когда-нибудь задавались вопросами:

– Как видят мир люди с шизофренией?

– Что чувствует человек с пограничным расстройством?

– Что такое психическое расстройство?

– то эта книга для вас.

«Осколки сознания» – это не только история одной девушки. Это взгляд в те уголки человеческой психики, куда редко решаются заглянуть. Это попытка собрать разбитое – и понять, что даже в самых тёмных лабиринтах сознания можно найти свет.

Если в этой истории вы узнаете себя или кого-то из близких – помните: вы не одиноки. Иногда просто знать это – уже половина пути.

Основано на реальных событиях.

Все названия, места и имена вымышлены, совпадения случайны.

Первая часть. Профессор

Профессор, преподает не науку, а собственные мысли, т.е. свои научные недоразумения.
© Василий Ключевский

Преподавание – последнее прибежище слабых умов с классическим образованием.
© Олдос Хаксли

1. Институт

Я переступила порог аудитории, учебного заведения в котором мне предстояло получить высшее образование. Это был Киевский экономический институт менеджмента, на учебу в котором меня уговорила мама, утверждая, что мое увлечение рисованием денег не принесет, а мне нужно хорошее образование, которое определит мое будущее.

Будущее – то, куда я отказывалась смотреть, не желая взрослеть и принимать на свои плечи груз ответственности за свою жизнь. Еще больше меня пугало то, что по окончании института, мне придется идти работать, а значит, я не смогу больше прятаться за спинами людей, которые сейчас несут за меня ответственность. Мне придется соприкоснуться с ненавистным для меня миром людей, и осознание этого заставляло мою голову выплясывать безумные хороводы в белоснежном тумане. Головокружение, как защитная реакция убегания от мира, во время невозможности, закрыться в своей комнате или, как минимум, надеть наушники, включив плеер на полную громкость, дабы не слышать происходящего вокруг, мнимо убегая в другую реальность.

Еще пару лет назад, я боялась института, чувствуя неуверенность в своих силах к знаниям, несмотря на то, что в школе была отличницей. Сейчас, сделав шаг навстречу своим опасениям, я неуверенно продвигалась вперед, сквозь непреодолимое желание бежать без оглядки от тех, кто наполнял это заведение. Я не любила людей, и мне всегда было сложно находиться в обществе, особенно если со всех сторон давили стены.

Здесь ничто не отличалось от школы, которую я закончила пару месяцев назад, и которая так же меня убивала. Те же парты, та же доска. Внутри что-то сжалось, от предчувствия новой волны неуверенности, но я прошла первые ряды, направляясь в конец аудитории, чтобы занять ее самый дальний угол – желание забиться подальше, максимально ограничивая себя от присутствующих. Вот только пока никого не было, ведь моя пунктуальность была настолько выточена, что я приходила всегда на полчаса раньше положенного времени. Не потому что я так спешила начать учиться или боялась что-то пропустить, я просто никогда не могла зайти в помещение, когда там уже собрались люди. Мысль о том, что внезапным появлением я могла лишний раз привлечь к себе внимание, сковывала все внутри. И если случалось так, что я опаздывала, то несколько минут нерешительности перед закрытой дверью, заканчивались быстрым уходом. Уходом от опасности.

Минуты ожидания неизвестности казались всепоглощающей вечностью, из которой невозможно было вырваться. Я не выкладывала на стол письменные принадлежности, борясь с желанием встать и уйти, пока меня никто не увидел. В аудиторию начали подтягиваться другие студенты, которые в шахматном порядке занимали парты. Кто-то, заходя, здоровался, кто-то, молча, проникал в уже формирующуюся группу. Я понимала, что мне просто нужно

продержаться в отведенное на лекции время, после чего смогу снова уйти в свою безлюдную жизнь. Несколько часов ада – как я назвала свою учебу.

Первая лекция у нас была по экономике. Это было настолько скучно, что я 1,5 часа активно боролась с желанием заснуть, которое слегка притупило тревогу. Уже тогда я задалась вопросом, зачем мне вся эта экономика, если мне нравится рисовать? Но моим родителям это было не объяснить. Они считали, если у меня есть способности к математике, то я обязательно должна получить экономическое образование! А если разобраться, то способности у меня были ко всему. Все изучаемые предметы мне давались легко, вот только интереса почти ни к чему не было. Единственное, что я полюбила в старших классах, это русский язык и литературу. Мне нравилось писать сочинения, нравилось письменно отвечать на контрольные вопросы по прочитанным произведениям. Нравилось, что моя учительница уделяла мне повышенное внимание, давая более трудные задания, уча меня тем самым писать лучше. Она всегда говорила «Ты можешь лучше!». И я старалась. А математика, будущее рядом с которой мне пророчили, была самым нудным предметом после истории, которую я так же не любила. И кто бы мог подумать, что я продолжу свое образование, заполняя страницы новыми цифрами, формулами, расчетами? Любой, но не я!

Второй предмет оказался не таким безжизненным, как подруга царицы наук, у нас была культурология. Если честно, этот предмет, объединяющий в себе все науки в безразборную кучу, показался мне абсолютно бессмысленным. Если бы не преподаватель, который, казалось бы, сам тащился от своей дисциплины, мне бы просто не удалось и дальше поддерживать организм в функции «бодрствование».

Александр Эдуардович Богданов, так звали нашего педагога по культурологии, странным образом расположившегося не за столом, а на нем, неуклюже свесив ноги, руками упираясь в столешницу. Мужчина его возраста (выглядел он лет за сорок) смотрелся достаточно забавно в таком положении.

– Так вот по Фрейду, по Фрейду, – повторял он не то для того, чтобы мы лучше запомнили, не то для того, чтобы не запутаться самому. – Гроза, это фаллический символ.

– Мучает ли вас гроза по ночам? – неожиданно обратился он к одной из студенток, пронзив ее взглядом. Она не успела опомниться, как он продолжил свой увлекательный рассказ, повествуя о пятилетней девочке, которая застала своих родителей занимающихся любовью.

Студенты слушали с неподдельным интересом о бессознательном, сексуальной энергии, неврозах и фаллических символах, как под гипнозом впитывая эти разрушительные истории, даже не догадываясь, что половину из них Александр Эдуардович придумал сам, чтобы привлечь к себе внимание. И тактика, проверенная годами на тысячах студентах, его не подвела. Казалось бы, всем понравился этот непринужденный воспитательный процесс и довольно интересный педагог, который заражал желанием узнать его предмет лучше.

Выйдя из аудитории на перемене, я прошлась по коридору, уже не чувствуя такой тревоги, что одолевала меня по приходу в институт, и остановилась возле стенда, где были представлены наши педагоги. Меня привлек портрет нашего культуролога, который совершенно не вязался с тем мужчиной, который только что читал нам лекцию. На фотографии он был в строгом костюме (мы же его наблюдали в джинсах и свитере, из-под которого выглядывала рубашка с не застегнутым воротом), но больше всего меня смущал его взгляд. Я много лет провела за рисованием именно глаз, через которые всегда пыталась передать чувства и ощущения человека, но здесь, как ни смотрела, не видела ничего. Во время лекции этот человек показался мне живым и открытым, здесь же он был абсолютно пустым.

Перед тем как уйти, я еще раз взглянула на эту страшную фотографию, прочитала имя под ней, пытаясь зацепить его в памяти, и направилась обратно в аудиторию.

2. Традиция двух пар

Второй день не был настолько пугающим, как первый, но встреча с людьми не переставала рвать на части неокрепнувшее за ночь сознание. Мое тело водрузилось за дальнюю парту, и хоть вблизи меня никто не сидел, голова продолжала предательски болеть, как будто зажатая в тиски, которые с каждой минутой сжимались все больше. Вместо тетради по предмету, я открыла потрепанный блокнот, в котором вела дневник и стала записывать свои мысли, чтобы хоть как-то разрядить ужасающую обстановку:

Вокруг меня снова люди. Неужели я так и не научусь нормально переносить это общество? Мне больно. Очень больно. Голова под тяжелым прессом, трудно дышать и снова чешутся руки.

Так я описывала свои привычные ощущения, которыми награждала меня моя природа зверя. Головные боли давно уже не удивляли. Расчесанные в локтевых сгибах руки, хорошо скрывались под одеждой. А вот невозможность дышать, создавала реальные проблемы, в борьбе с которыми я всегда проигрывала. Единственное, что можно было сделать, чтобы хоть как-то облегчить свою участь – отсидев несколько пар, уйти домой, не присутствуя на остальных. Я прогуливала школу со второго класса, что могло помешать прогулять институт?

Уже в конце недели у меня сложилась традиция двух пар, больше которых я не могла себе позволить.

Выдержав установленный срок, я направилась в туалет, чтобы переждать поток студентов слоняющихся по институту, а в особенности курящих возле него. Объясняться с кем-либо по поводу моего раннего ухода не хотелось.

И вот долгожданный звонок, и стихающие через несколько минут голоса, разбегающихся по аудиториям студентов. Повисла приятная тишина, и я позволила себе покинуть убежище. Уже в конце коридора, когда я завернула к лестнице, ведущей на улицу, меня остановил знакомый голос, который, правда, был совершенно неприятным на слух, хоть и вызывал симпатию:

– У Вас уже закончились лекции? – Это был культуролог, который приветливо улыбался той, что в растерянности не смогла даже соврать:

– Нет, я просто ухожу.

И почему меня так взволновало его появление, я не понимала. Мне даже не хотелось уже уходить. И я ляпнула первое, что мне пришло в голову, лишь бы как-то растянуть разговор:

– А Вы почему ходите во время занятий?

– Иду в аудиторию.

– Не поздно ли?

– В самый раз! Даю возможность студентам наговориться.

Странно, но он совсем не походил на педагога, какими они все были. В нем не было этой отстраненности, высокомерия, всезнания и напущенности, которыми блистают все высшие над нами умы. Про него можно было сказать «В доску свой». Но было в нем еще что-то, что я не могла разгадать. Что-то холодное и пугающее, что шептало моему разуму: «Он не такой, как кажется». Но я гнала от себя эти мысли уже потому, что с этим мужчиной было приятно общаться, вот так – ни о чем, в то время, когда любое общение с людьми мне всегда тяжело давалось.

– До свидания! – сказала я, на прощание, поймав его улыбку, и скрылась на лестнице.

Покинув это гранитное здание (так я называла любое учебное заведение, где приходилось грызть гранит науки), я попала в совершенно другой мир – мир музыки. Мое лицо прятал козырек бейсболки, максимально натянутый на глаза, а городские звуки, заглушала музыка, играющая в больших наушниках, ограждая мой мир от реальности. Я шла по любимому Киеву, сжи-

мая в руках сотовый телефон, боясь пропустить долгожданный звонок подруги, СМС которой я послала еще на паре. Вскоре телефон в руке завибрировал, показывая такое желанное имя.

– Привет, Карин, – радостно воскликнула я, прислонив телефон к уху, с которого чуть сдвинула наушник.

– Лиза, ну что опять случилось!? – начала она. – Ты снова прогуливаешь?

– Ты же знаешь, что я не могу там долго находиться, – с тоном обиженного ребенка ответила я. – И ты даже не поздоровалась.

– Извини. Привет.

Я еще несколько минут выслушивала нравоучения лучшей и единственной подруги, которая выразила протест моему нездоровому образу жизни, пытаясь объяснить, что необходимо учиться жить среди людей. Сколько раз я слышала от нее эту лекцию, экзамен по которой постоянно проваливала. Еще через несколько минут я подходила к одному из многочисленных корпусов Политехнического института, в котором училась Карина. Встреча должна была состояться сразу по окончании пары, которая у нее на сегодня была последней.

Мы жили с ней в одном подъезде (я на первом, она на пятом этаже) и дружили с детства, но лучшими подругами стали только в старших классах. Когда все девчонки стали активно интересоваться противоположным полом, ходить в клубы, выпивать на лавочках в парках, мы этого сторонились, что нас и сблизило. Потом к этому добавились общие увлечения литературой, музыкой, из которых формировались общие жизненные принципы и установки. Мы настолько хорошо друг друга понимали, что могли общаться и без слов. Я любила выражать свои чувства с помощью рисунков, которыми она восхищалась, она – с помощью музыки, которой восхищалась я. Карандаш и фортепиано стали нашими словами.

Выбежав на улицу, Карина нашла меня в тени дерева, где я пряталась не столько от солнца, сколько от цивилизации, обманывая свой разум. Она обняла меня в знак приветствия, и мы пошли в институтский парк, где расположились на одной из лавочек.

Карина сидела, а я легла, положив голову ей на ноги. Наушники и бейсболка были конфискованы в первые же минуты моей укротительницей, которая в глубине души надеялась, что я когда-нибудь перестану бояться людей и прятаться от них таким глупым способом.

– Как прошел день? – спросила подруга, заставив меня занервничать, от чего я стала чесать руку сквозь рубашку с длинным рукавом. – Опять!? – возмутилась она моей дурной привычке и задрала рукав, обнажив расчесанную руку.

– Я не хочу учиться.

– Надо, Лиза.

– Знаю.

Больше мы не говорили. Я закрыла глаза, хорошо представляя каждую мелочь в ее чертах лица, пытаясь мысленно нарисовать портрет. Меня привлекали выразительные глаза цвета неба, в которых очень часто отражалась печаль и светлые локоны, которые Карина всегда собирала в пучок, а я бы нарисовала их спадающими на лицо.

Она в этот момент должна была играть на фортепиано.

3. Опять он

Ранним утром мы ехали с подругой в институт – она в свой, я в свой! Родители не позволили нам поступить в один ВУЗ, решив за нас, какое учебное заведение нам стоит закончить. Но наши институты находились в шаговой доступности друг от друга. Поэтому на занятия мы часто добирались вместе. Наш трамвайчик третьего маршрута медленно бежал вперед, постукивая колесами по рельсам, а мы сидели рядом, держась за руку. Вся информация передавалась через сплетенные пальцы, которые сжимались в момент, когда нужно было что-то сказать. Как ни странно, но мы понимали друг друга без слов.

Выйдя на улице Полевой, мы направились вверх к Смоленской, где нам предстояло разойтись в разные стороны. На развилке мне демонстративно вручались мои атрибуты ежедневного ритуала – бейсболка и наушники, плеер от которых лежал в кармане джинс. Я подключила шнур и включила музыку, повесив наушники на шее, до момента когда их нужно будет надеть. Кепка была зажата в руке, когда я обнимала подругу, как будто бы прощаясь с ней навсегда – так мне было тяжело с ней расставаться даже на несколько часов.

Стоя перед входом в гранитное здание, я собиралась с духом, чтобы провести еще один день в этом адском заведении. После нескольких минут я решилась зайти внутрь.

Идя по длинному коридору, вспоминала, в какой аудитории у меня занятия. Возвращаться к расписанию, которое уже прошла, и у которого всегда собирается народ, не хотелось.

Неожиданно сзади нарисовался Александр Эдуардович, который стремительно запустил руку мне в волосы, подтянув меня к себе и вдохнув запах моих волос. После этого он так же стремительно отпустил меня и скрылся в аудитории. Я так и стояла перед закрывшейся дверью в растерянности, не сумев понять, что сейчас произошло? Мое сердце безумно колотилось в груди, а разум на мгновение остановил ход мыслей.

Все оставшееся время я сидела на парах, как мумия, не видя и не слыша ничего вокруг себя. Мне не нужны были даже наушники для этой цели. Писать лекции в таком состоянии я не могла, делать записи в дневник тоже, т.к. мозг блокировал отдел, где хранился весь багаж разученных с рождения слов. Оставалось только рисовать, поэтому в моей тетрадке вырисовывался сюжет непривычным для руки инструментом – шариковой ручкой.

Вечером я снова сидела рядом с подругой в парке на лавочке, положив ей на плечо свою больную голову. Моя непривычная реакция на ее повседневные вопросы, рикошетом била в мозг:

– Лиза! Да что с тобой!? – Карина отстранилась от меня, чтобы четко видеть мои глаза, которые должны были дать ей ответ, но его не было.

Она залезла в мою сумку, которая лежала рядом с нами на лавочке и достала мой дневник, который ей всегда дозволялось читать без особого на то разрешения.

– Кто это?

Я заглянула в тетрадку, будто бы пытаясь вспомнить, кто в ней изображен, и увидев зарисовку на лекцию по культурологии, растерялась.

– Наш культуролог.

– Зачем ты его нарисовала?

– Заняться не чем было на паре, – первый раз сказала не правду я, и Карина это почувствовала.

– Он тебе нравится? Лиза, не молчи! Скажи мне правду!

– Не знаю. Честно.

– Значит, нравится, – с огорчением подытожила подруга, которая знала меня лучше, чем сама я. – Но они же все одинаковые! Мужики эти. Ты же знаешь?

– Конечно, знаю, – улыбнувшись, ответила я, вспомнив нашу нелюбовь к мужскому полу.

– Вот и хорошо! И даже не смей в него влюбляться! Ему лет, кстати, сколько? – вглядываясь в рисунок, пыталась понять Карина.

– Не знаю, где-то за сорок.

– Он же старый! Фу!

И мы рассмеялись.

4. Героев Днепра

Моя учеба шла настолько хорошо, что меня единогласно выбрали старостой, как самую преуспевающую студентку. Никто даже не заметил, что я каждый день прогуливала половину занятий, главное, что хорошо училась, да еще и не бегала на каждой перемене курить, нарушая регламент института, а сидела прилежно в аудитории.

Это назначение, от которого мне не удалось отбрыкаться, сулило мне большие проблемы – дополнительное общение. Карина сказала, что это даже хорошо, и так я смогу побороть свою замкнутость и страх перед людьми.

Но я не была замкнутой, наоборот, иногда чересчур активной и болтливой. Мне и самой порой было непонятно, как во мне уживалась эта болтушка и затворница? Как я порой готова была заговорить с первым встречным, лишь бы тишина и мрачные мысли меня не поглотили, а порой бежать ото всех без оглядки? Да и люди мне казались всегда то хорошими, то плохими, и я никогда не могла определиться с точным их описанием. Я не понимала людей ровно настолько, насколько они не понимали меня. И все это глубоко ранило меня. И даже то, что я доставляла другим неудобство своим непонятным поведением, меня ранило тоже. Поэтому, предпочитала прятаться за наушниками, в которых создавалась иная реальность, затягивающая без остатка мое реальное пребывание в этом мире, где мне не было места. Мне так казалось.

А тут мой привычный устрой жизни был разрушен взвалившимися на меня обязательствами. Ежедневное хождение за журналом в деканат, обсуждение с педагогами предстоящих зачетов и экзаменов и дополнительных заданий, доведение информации до студентов – первые дни мне казалось, что я просто задохнусь. Руки были исчесаны в кровь, а головокружение стало так заметно, что мне уже не нужно было сбегать с занятий, меня отправляли домой заботливые преподаватели, отмечавшие мою бледность и больной вид.

Сейчас я стояла в приемной, ожидая секретаря, которая попросила прислать ей человека, разбирающегося в компьютерах. В моей анкете при поступлении было указано – уверенный пользователь ПК. Вот только не пойму, неужели кроме меня никто не указал подобного? Как бы то ни было, а с компьютерами я, действительно, дружила. Ведь моя подруга училась на факультете информатики!

– Он включается, а потом на экране появляются какие-то странные цифры, – парировала секретарша.

– Какие цифры? – уточнила я. – Операционка-то запускается?

– Что?

– Так, понятно! – Понимая, что с данным человеком бесполезно разговаривать, нужно смотреть самостоятельно, мое тело водрузилось в удобное секретарское кресло.

Запустив компьютер, который в момент моего появления был выключен, я увидела синий экран с множеством английских слов, который вещал о том, что идет дефрагментация жесткого диска.

– Вот этот экран, – пояснила секретарша.

– Вы не дождались загрузки?

– Нет, я перезагрузила, а там тоже самое.

– Нужно было просто подождать, – выдохнула я.

Операционная система удачно загрузилась, и перед моим взором предстал заваленный ненужными файлами рабочий стол. Как я не любила такое!

– Зачем Вам столько файлов на рабочем столе?

– А что?

– Их нужно хранить на диске, размещая на столе лишь ярлыки.

Тут же я поняла степень глупости своих слов, которые совершенно не доходили до этой женщины средних лет, увидевшей компьютер не так давно, и потому умевшей пользоваться им на уровне «чайника».

Наведя порядок на рабочем столе, обновив антивирусную базу и запустив антивирусник, я обнаружила на компьютере троянскую программу, которую удалось ликвидировать. Пока я проделывала все вышеописанные манипуляции, секретарша отлучилась по своим делам, оставив меня одну в кабинете.

Когда я убирала файлы с рабочего стола, я наткнулась на фотоальбом, который был подписан «Корпоратив». В тот момент я не могла его посмотреть, т.к. любопытная секретарша пялилась в монитор, наблюдая за каждым моим действием. Сейчас же никто не мешал мне удовлетворить свое любопытство. Какая-то странная волна пробежалась по моему телу, когда я открывала эту папку, в надежде увидеть Александра Эдуардовича. И я его увидела! В каком-то дурацком танце, где он довольно смешно смотрелся. Фото было довольно неудачное, даже неприятное. Больше среди многочисленных снимков этот мужчина не встретился.

Потом я осмотрелась, слева от меня на полке стояли личные дела преподавателей, в тоненьких папочках с подписанными на ребре именами. Я пробежала глазами по папкам, остановив свой взгляд на той, которую искала. Богданов Александр Эдуардович. Снова эта волна по телу, и бешенный стук сердца. Я встала и выглянула из кабинета. Убедившись, что никого нет, быстро взяла папку и открыла страницу, где был записан телефон и адрес, которые умело уместились на моей ладони. Последний мой взгляд пал на дату рождения, после чего папка вернулась на место. И вовремя. В кабинет вошла секретарша, которая довольно приняла мою работу по воскрешению своего рабочего инструмента, отпустив меня на занятия. Выйдя в коридор, я прижалась спиной к стене и, разжав ладонь, посмотрела на нее:

Героев Днепра, 26 – 87

+38 *** 862 27 83

Меня привел в чувства оглушающий звонок, предвещающий перемену. Я поспешила в аудиторию, забрать свои вещи. На сегодняшний день приключения в гранитных стенах закончены!

Ноги передвигались на автомате, без каких либо сознательных порывов – безвольною массой тело двигалось в сторону метро, которое находилось в шестистах метрах от института. Музыка была забыта, а серое вещество вливалось в котел расплавленных мыслей приправленных памятью.

Спустившись в метро и покопавшись в карманах, я нашла жетон с листком каштана[1], который опустила в турникет.

– Следующая станция Крещатик, переход на станцию Площадь Независимости, – больно ударил по перепонкам мужской голос, объявляющий остановки в вагонах поезда, вернувший в действительность из потустороннего мира. Ему вторил английский перевод, который больше походил на китайский. Улыбнувшись такому нелепому акценту, тело буквально выпало из вагона на станции Крещатик для перехода с красной на синюю ветку. Только сейчас сознание, куда держу путь, стало подбираться к черепной коробке, ужасая реалистичностью исполнения – я находилась в вагоне поезда, который мчал меня к станции «Героев Днепра». Не было четкого понимания, что я хотела там увидеть, просто повиновалась своему внутреннему голосу, который вел в бессознательное, лишая привычной жизни. Я вышла из института и не позвонила подруге. Я не пошла к ее институту, ждать окончания ее пар. Я ехала в неизвестность, которая одновременно привлекала меня и пугала.

[1] В Киевском метрополитене для прохода через турникет используются пластмассовые жетоны, на которых изображен герб города – лист каштана.

Открыв в телефоне карту города, я набрала в поисковике адрес Богданова и обрадовалась, что дом был недалеко от метро. В этом районе бывать приходилось лишь проездом, потому необходимо было определиться с ориентирами, по которым удастся без затруднений добраться до места. Его дом стоял чуть подальше от перекрестка, первым из трех вытянувшихся в одну полосу 12-тиэтажек. Подъезды выходили на проезжую часть, напротив дома было трамвайное кольцо – конечная. От метро дом отделяла автомобильная стоянка.

Выйдя из метро, я уже хорошо знала, куда идти. Карта Google показала не только схему улиц, но и вид со спутника, а так же фотографии, сориентироваться по которым не составило труда.

В моем кармане завибрировал телефон, и я уже знала, кто это звонит.

– Ты где!? – раздался в трубке недовольный голос Карины.

– На Героев Днепра.

– Что ты там делаешь?

– Гуляю.

– Без меня?

Понимание, что выкрутиться не удастся и придется рассказывать правду, какой бы безумной она не выглядела, пульсирующее обжигало виски. Да и меня саму начинало пугать мое поведение, выходящее за рамки понимания, поэтому как на исповеди по проводам разлилось признание, разрушающее возвышающиеся в последние дни стены в непоколебимой, как казалось недавно, дружбе.

5. Первый шаг

Мы сидели в Карининой комнате на полу, прижавшись спинами к стене. Сидели и молчали. На улице уже стемнело, и в комнате стояла полутьма, пропускающая слабый свет, доносившийся через окно.

– Останешься у меня сегодня? – тихо спросила Карина.

– Конечно, – ответила я, боясь оставить ее в момент, когда она почувствовала между нами третьего.

– Родителей сегодня не будет, они в гостях.

– Чем займемся?

– Давай кино посмотрим?

Пытаясь отвлечься от ненужных мыслей, мы включили телевизор и переместились на диван.

Но, как я не старалась, из моей головы не выходила вся та информация, которую сегодня случайно удалось раздобыть у секретаря. В следующем месяце этому мужчине исполняется 46 лет, так же, как и моему отцу. Этот мужчина годился мне в отцы! Но это нисколько меня не пугало, а наоборот добавляло масло в огонь, который с каждой встречей разгорался сильнее. Мне нравилась эта разница в возрасте, нравилась разграничивающая преподавателя и студента черта педагогической этики, не позволяющая иметь близкие отношения лицам, находящимся по разные стороны учебного процесса.

Когда Карина уснула, я достала свой телефон и стала писать СМС Богданову:

Надеюсь, Вы еще не спите и я не потревожу Вас своим вопросом?..

Занесенный палец застыл над клавишей «Отправить», и после недолгого раздумывания, опустился на нее. Сообщение отправлено. Внутри все сжалось, после чего горячей волной разлилось по телу. Никогда не думала, что таким приятным может стать волнительное ожидание. Сердце в груди сильно забилось, и в голову ударила та же горячая волна.

Ответ не заставил себя ждать.

– Не сплю. Кто это?

– Хотела спросить. Если девушка боится грозы, это понятно. А если мужчина? Лиза Быстрик

Теперь уже подписавшись, отправила свой вопрос я. Мне не нужен был ответ, мне хотелось просто поговорить с этим человеком. Но даже в тот момент, когда собиралась написать первую СМС, я и представить не могла, насколько меня это взволнует. Переписка затягивала, как трясина, меняя меня до неузнаваемости – необщительная, забитая в угол девочка, которой по умолчанию противна вся мужская сущность, заигрывала со своим преподавателем.

– Потом поговорим, Лизонька.

Как же было приятно прочитать не просто СМС, а обращение к себе. Все-таки правду говорят, что имя для человека – самый приятный звук. Но я не могла остановиться, поэтому продолжала писать глупости, за которые мне потом было стыдно:

– Я ставлю Вас в неудобное положение? А то, быть может, у вас ревнивая жена, которая не поймет этих сообщений?

Конечно же, это было не беспокойство, а желание узнать, есть ли у него супруга.

В ответ я получила лишь улыбающийся смайлик.

Сложно было определить, что значил этот ответ, но то, что я выглядела глупо в глазах своего педагога, было ясно. Конечно же, он понял смысл моего вопроса, как и то, что он мне нравился. Но назад дороги не было, я сделала первый шаг к этой порочной, разрушающей меня связи.

6. Профессор

Шли дни, недели. Наша ночная СМС переписка осталась в прошлом, и я даже немного остыла, хоть и продолжала делать зарисовки Александра Эдуардовича в своем дневнике, пользуясь тем, что писать на его лекциях не было нужно. Он предпочитал конспектам живое общение, которое так нравилось студентам. Да и темы он выбирал не столько по программе, сколько интересам, ведь его предмет охватывал все области жизни и труда человека.

– А как вы относитесь к гаремам? Согласились бы Вы? – обратился к аудитории Александр Эдуардович, подводя итог своей лекции о восточных традициях.

Его взгляд упал на меня, с интересом ожидая ответа.

– Если в этом гареме будете Вы, – не растерявшись, что мне было совершенно не свойственно, с нотками флирта ответила я, не сводя глаз со своего оппонента.

– Тогда мне нужно будет сделать обрезание, – попытался обратить все в шутку он.

– В чем проблема? – продолжала наступать я, совершенно потеряв ориентацию, забыв, что мы находимся в аудитории на занятиях, где присутствуют другие студенты.

– Все! – оборвал мою игру Богданов, которого спас звонок на перемену. – Я пошел!

– Куда? Делать обрезание?

В этот момент я увидела не только, что он понял свою ошибку, адресовав мне подобный вопрос, но и лица моих одногруппников, которые не ожидали подобной беседы, да еще и от кого – девушки, которая старается ото всех спрятаться на последней парте.

Александр Эдуардович покинул кабинет, сказав одно единственное «До свидания», которое вернуло меня в реальность, давая понять, что я переборщила в высказываниях. Собрав свои вещи, я покинула аудиторию, забившись в кабинке туалета в ожидании очередного звонка, после которого покинула свое убежище.

Проходя мимо одного из кабинетов, я услышала Его голос. Но за дверью не шла лекция, он разговаривал с коллегами. Рассказывал, что на прошлой неделе защитил докторскую диссертацию и теперь он доктор исторических наук, профессор.

Я выскочила из гранитного здания, на ходу надевая куртку, бейсболку, а затем наушники. Карина заканчивала учебу через два часа, поэтому я побрела в парк, где бродила пешеходными дорожками, распинывая опавшую листву. Мне нравился шелест листьев, и я выискивала места, где их как можно больше, после чего заходила в это море счастья и начинала шуршать им. Так я провела час ожидания, после чего села на одну из пустующих в это время года лавочек и достала свой телефон.

Я уже знала, что и кому хочу написать, но вот не могла определиться с текстом. Потом решила не заморачиваться и написала просто:

Поздравляю с докторской, профессор!

Моя СМС-ка была тут же доставлена любимому преподавателю, который сухо ответил: «Спасибо», разбавив свой ответ улыбающимся смайликом.

Очень хотелось продолжить общение, но этот человек, видимо, видел во мне глупую девчонку, не достойную общения с таким взрослым и мудрым мужчиной. Я, переполненная досадой и душащей за горло обидой, достала свой блокнот и погрузилась в личные мысли, оставляемые на его страницах.

7. Сестра

Вечером, я выгрузила содержимое сумки на стол, завалив его многочисленными блокнотами в количестве двух штук. Да, такая я была прилежная ученица, писавшая все в одном блокноте, не желая заводить для каждого предмета отдельный. С моей посещаемостью и нелюбовью к конспектам это было вполне достаточно!

Второй был моим дневником, который я обычно хорошо прятала, но в этот раз, расстроенная профессорской недосягаемостью, оставила на столе.

Вернувшись из душа, я застала в своей комнате сестру Марину, которая неожиданно для меня приехала в гости. Она была старше меня на пять лет, и жила отдельно с мужем. Но это не мешало ей время от времени приезжать и вмешиваться в мою жизнь.

Сестра стояла у стола, изучая мой дневник, который я тут же попыталась выхватить, в надежде, что она не успела прочитать мои тайны. Но Маринка спрятала его за спиной, раньше, чем я успела ухватить.

– Отдай!

– Александр Эдуардович значит, – издеваясь, проговорила сестра. – А я уж думала, вы с подружкой не такие.

– Тебя не касается!

– Как не касается? Моя сестра наконец-то стала интересоваться мужчинами, а меня не касается!

– Я не интересуюсь, – уже с обидой парировала я, понимая, что Марина не так все поняла. Да, там были рисунки моего педагога, но только потому, что на его парах не чем было заняться, а я любила рисовать. Не спины же сокурсников мне было выводить!

– Если не интересуешься, может, я заинтересуюсь? – Открыв мой блокнот и глядя на портрет, выведенный моею рукой, заинтересованно произнесла сестра. – Вроде симпатичный.

– А что на это скажет твой муж!

– А что на это скажет мама? – Марина дала мне понять, что в этой ситуации мне лучше держать язык за зубами, иначе объясняться мне придется с мамой, которая даже из невинной новости может раздуть трагедию. А тут…

Сестра отдала мне мой блокнот и добавила:

– Сестренка, будь поувереннее, когда дело касается мужчин!

– О чем ты?

– О том, что не нужно вздыхать на последней парте. Нравится мужик, завоевывай!

В этом всем была моя сестра! Меня же передернуло от слов о последней парте, которые она явно прочитала в дневнике. А это значило, что она успела прочитать. А вот по поводу завоевываний у меня были большие сомнения, как и по поводу симпатии.

Я сама не понимала, почему меня так тянуло на общение с профессором? Но точно не видела в этом какой-то влюбленности, которую так быстро приписала мне сестра. Что ж, ее не переубедить. Если что-то вобьет себе в голову, то это надолго!

У меня уже начинали чесаться руки от разрушенных сестрой границ личного пространства. Оставаться в комнате значило бы – продолжить разговор, чего мне никак не хотелось. Поэтому я, захватив дневник и ручку, удалилась снова в ванную, где любила закрывшись, писать или рисовать. В этом маленьком пространстве никто не мог нарушить мой покой и границы. Даже такая беспардонная сестра.

Второй раз вернувшись из ванной, я была разочарована еще больше – Марина осталась у нас ночевать. Точнее ночевать она осталась в моей комнате, расстелив себе гостевой матрац.

Я, не включая свет, в надежде, что она уже спит, прошмыгнула в свою кровать.

– Тебе СМС пришло, – разбила она мою надежду, и когда я читала сообщение от Александра, в котором он предлагал встретиться, спросила:

– Что он ответил?

СМС была единственной, отправленные я стерла еще днем. Откуда она знала, что это Он?

– Марина, какого черта?!

– Расслабься! Я только сделала то, на что ты не решалась, – с издевкой ответила она.

– Ты что с ума сошла?! Что ты ему написала?!

Я была в ужасе от этой ситуации! Зная мою распущенную сестру, можно было предположить, что она от моего имени могла наговорить профессору. Но, блин, как я после этого буду с ним разговаривать? Как мне смотреть ему в глаза? И эта встреча. Зачем он предлагает мне встречу? Мне, девочке – студентке? Этот взрослый мужчина. А нужна ли эта встреча мне?

Я замешкалась в ответе, понимая всю серьезность данной ситуации, после чего, не желая сразу отказываться, написала:

– Где и для чего?

– Возле института. Для общения, Лиза!

Уже в следующую минуту мы договаривались о встрече, которая по определению своему была полным безумием!

Сестре же я сказала, что в переписке только хотела выяснить, что она ему написала. Ни о какой встрече я и словом не обмолвилась, лишая ее лишнего повода для издевательств.

8. Первое свидание

Полная волнения и приятного ожидания, я расхаживала возле института, дожидаясь, когда закончится последняя пара вечерней смены, которую вел Александр Эдуардович. Хотелось одновременно, чтобы он поскорее пришел и, чтобы вообще не приходил. Иногда хотелось просто убежать, пока он не появился на горизонте. Я не могла понять, что я делала, а главное, чего хотела добиться? Но еще страшнее было от неизвестности, ведь я так и не добилась от сестры ответа, что она ему написала. Надеялась лишь на одно, что она не предложила ему что-то непристойное от моего имени.

– Привет, – как всегда улыбаясь, произнес он, прервав мои мысли.

Мой оценочный взгляд украдкой изучал этого человека. Рост чуть меньше моего, что было заметно, когда он подходил близко, и я наблюдательно вычисляла по нашим плечам. Небрежно отросшие русые волосы, которые мне хотелось видеть еще длиннее. Белая рубашка, обнаженная расстегнутой курткой, джинсы, в которых он выглядел неуклюже толстым и топ-сайдеры[2] – самая дурацкая, по моему мнению, обувь, которая в прочем идеально дополняла весь нелепый образ.

– Привет, – ответила я, хоть эта форма совершенно не подходила для приветствия своего преподавателя. Но и с его стороны было недопустимо такое неформальное обращение, которое я просто поддержала.

– Пойдем отсюда. – С этими словами он попытался взять меня за талию, чтобы придать моему телу направление по ходу его движения. Мне же было неприятно любое прикосновение, поэтому я, съежившись, выскользнула из-под его руки.

День радовал осенним теплым солнцем, играющим на листьях деревьев, которые еще не торопились скидывать свою листву, протестуя календарному сезону. Осень была еще очень далеко. Наша прогулочная тропа вела вокруг института, который ничуть не хуже радовался солнцу, играя на голубых стеклах его желтыми бликами, напоминая, в какой стране мы живем[3].

Мой спутник что-то говорил без умолку, а я, отстраненная от этих разговоров, молча, брела рядом, радуясь, что он не заводит разговоров о вчерашней СМС сестры. Мне хотелось узнать, что же она ему написала, но я не решалась спросить. Уж лучше оставаться в неведении, чем оправдываться.

Я повернулась к Александру Эдуардовичу и поймала себя на мысли, что это единственный человек, который не пилит меня взглядом при воспроизведении мысли и слова, в попытках понять мое отношение к ним. Эта непринужденность в общении мне понравилась с первых минут.

– А вообще, я не люблю много разговаривать, – заключил в конце многочисленных рассказов он. – Я молчун.

– Заметно, – отвлеклась от своих мыслей я.

Он продолжил снова что-то говорить, объясняя природу своего молчания, из чего я сумела только вынести, что ему приходится много разговаривать во время лекции, поэтому он сильно устает, и вообще не любит свою работу.

– А где Вы живете? – вырвался из глубины сознания мой вопрос, который неожиданно для меня был произнесен вслух.

Вопрос будто бы ударил Богданова. Он резко остановился и пронзил меня строгим взглядом, в котором читалось «Девочка, у меня жена, дети, а тут ты». Пытаясь что-то произнести

---

[2] Топ-сайдеры – это почти родственники мокасин. Отличаются они продетым по верху обуви шнуром, который выполняет функцию декора.

[3] Флаг Украины состоит из двух цветов: синий и желтый

в ответ, Александр Эдуардович издал какие-то неуверенные звуки, похожие на заикания. Мой вопрос, казалось бы, не нес в себе каких-либо разрушений, но был воспринят именно так.

– Я не собиралась приходить к Вам в гости, – обиженно добавила я, понимая нелепость данной ситуации. Более того, мне давно был известен адрес, но я хотела услышать это от него.

– Героев Днепра, – выдавил из себя он.

– Улица или метро?

– Метро.

– Или все-таки улица? – уверенно переспросила я, что дало ему понять, о моей осведомленности. Этот момент его злил, правда, мне сложно было понять, почему? Неужели в нем проснулся педагог, который должен оставаться для студента инкогнито. Тогда зачем эта встреча, которой он уже разрушил все границы?

– Так! – грозно отмел мой допрос собеседник. – Расскажи лучше ты о себе! Я заметил, ты держишься обособленно, но на скромницу ты не похожа.

– Мне не комфортно быть среди людей.

– Ты мне кажешься вполне общительной, почему так?

– Не знаю, сама не пойму. Я не люблю общаться и даже устаю от этого, но когда я одна, мне не хватает людей. Я всегда была такой.

– Хочешь, я буду твоим психологом? Ты сможешь мне все рассказывать.

Эта идея мне импонировала, ведь в психологе я так нуждалась. Именно поэтому мой сомнительный мозг не уловил лицемерия в этом предложении.

– Мне пора, – подводя итог нашей встрече, как камень бросил в меня Александр Эдуардович.

– Хорошо, – ответила я, хоть и не видела в этом ничего хорошего.

– Зачем я тебе такой нужен? – перед самым уходом, развернувшись ко мне, произнес он. – Ты же потом пожалеешь. Будешь плакать.

Мне не совсем был понятен этот вопрос, ведь я не претендовала на этого мужчину. И почему я должна буду плакать? Что он хотел этим сказать?

Но узнать мне суждено не было, его время вышло, да и я все равно не решилась бы спросить. Мы разошлись, чуть не доходя институтского крыльца, на котором он стремительно скрылся, пока я продолжала стоять, чтобы не светиться рядом. Мой же путь лежал до ближайшего метро, которое находилось в шестистах метрах от гранитного ада.

В районе, где я жила, метро не было, туда ходил старенький трамвайчик третьего маршрута, на котором я обожала ездить. Но сейчас я направлялась на станцию Хрещатик, откуда ходила пешком через улочки и парки на Трухановский остров, где любила сидеть на берегу, глядя на величественные склоны Днепра, на которых виднелись памятники Владимиру Великому и Магдебургскому праву, арка Дружбы народов и Андреевская церковь. Пройдя по Парковому пешеходному мосту на другой берег Днепра, в это время года можно было попасть в абсолютно другой мир – мир природы, в котором люди практически не встречались.

Я села сразу же за мостом на песок не далеко от кромки берега, обхватила руками согнутые в коленях ноги, и замерла взглядом на спокойных водах Днепра, которые воспел ни один поэт.

В моей голове крутились вопросы, раздирая мою встречу с педагогом на сотни непонятных фраз. Что его так напугало, когда я спросила, где он живет? Неужели он подумал, что я буду сидеть под его окнами? Или быть может, что я приду к нему домой? Что вообще он обо мне думает и зачем пригласил меня на встречу? Скольких еще студенток он приглашал прогуляться?

Преподаватели мне всегда казались лицами отчужденными, несоприкасаемыми со студентами вне учебного процесса и абсолютно неразговорчивыми с лицами, не заслуживающими

их внимания, т.е. теми же студентами. Этот же человек, вопреки всем моим представлениям, повел себя вне правил. И это еще больше меня пугало.

9. Сайт

Я зашла в институт, не снимая своих наушников, в которых Ирина Билык эмоционально передавала историю безответной любви. Это было намного лучше того, что можно было услышать, сними я их, ведь реальность меня пугала. Идя в наушниках, я могла не заметить одногруппников, с которыми нужно было здороваться, я не замечала преподавателей, и это не выглядело признаком плохого тона, ведь все понимали – я в музыке. И я была в ней, даже на парах, сменив большие наушники на маленькие, которые так легко было спрятать под распущенными волосами. Все предметы, где нужно было считать, я посещала только ради отметки в журнале посещаемости, чтобы потом не было проблем во время зачетов и экзаменов, когда придется объяснять причины отсутствия. Но слушать тот бред, что объясняли педагоги, мне совершенно не хотелось. Более того, я могла разобраться и без них. Для того, чтобы решить пример по высшей математике или задачку по экономике, мне нужно было только взглянуть пару минут в учебник, после чего решение легко поддавалось. Поэтому я тратила свое время на зарисовки или записи в тетрадке, которую носила всегда с собой и использовала, как хранилище личных мыслей.

Вторая пара, как всегда, была по культурологии – единственному предмету, на котором я не считала минуты до звонка и не сидела в наушниках. Но в этот раз я была где-то далеко даже без привычной музыки. Мельком рассматривала Александра Эдуардовича, изучая его жестикуляцию, мимику и позы. Мне нравилось наблюдать за ним, в то время, как его неприятный голос растекался где-то вдалеке от моего разума. Я не знала, о чем он говорил, но видела, как он это делал – он, действительно, втягивал в свой мир порока студентов, умы которых не успели сформироваться окончательно, чтобы распознать этот блуд.

Меня разбудил звонок. Ошалевшая толпа кинулась к проходу, чтобы успеть выйти покурить, прежде чем нужно будет переходить в другую аудиторию на следующий предмет. Пара девочек задержались, чтобы заигрывающим тоном поинтересоваться у Богданова, где можно взять его книжку, которую он так рекламировал во время занятия. Он сияюще заявил, что принесет им на следующей неделе. И вот эти девицы неспешно покидают аудиторию, оставляя меня наедине с моим любимым преподавателем, который, казалось бы, даже не замечает, что кто-то остался, разворачивая газету, которая лежала у него на столе.

– Александр Эдуардович, – обращая на себя внимание, садясь за первую парту напротив него, вопрошаю я. – Кто Вам делал сайт?

– Ой, это долгая история, – отложив газету, ответил он. – В общем, одна студентка, точнее ее брат.

– Он ужасен!

– Да?

– Да! Дизайн самый примитивный, почему-то комментарии идут прям в новостной ленте. Для общения лучше бы подошел форум.

– Может быть. Он не стоил мне ни гривны, поэтому мне неудобно что-то требовать.

– Форум я могу Вам сделать. Это легко!

– Правда? Тебя не затруднит?

– Нет. Но, если Вы сможете достать пароль от сайта у тех людей, то я смогу сделать и новый дизайн.

– Я попробую.

– А почему нет ни одной фотографии?

– Зачем? Я же писатель, – с гордостью Достоевского произнес Александр Эдуардович, который по моим подсчетам издал всего две книги, одна из которых была набором лекций.

Не читала ни первой, ни второй уже потому, что не хочу тратиться на неизвестного автора, да и как говорит моя подруга: «Все они пишут – ничего интересного! Что не препод, то – писатель»! Тут даже моя симпатия к писателю не будила тяги к прочтению сиих шедевров.

– Любому читателю интересна жизнь писателя, которая должна быть представлена в биографии и фотографиях.

– Не думаю, что это так.

– Хорошо. Вот у вас какой любимый писатель?

– Достоевский.

Я улыбнулась внутри себя на то, что попала в Достоевского, и продолжила:

– Вы его биографию читали?

– Конечно!

– А фотографии видели?

– Видел.

– Ну вот! И Ваши должны люди видеть!

Он еще немного посопротивлялся, после чего отшутился, что людям нужен только эпатаж, поэтому фотографии будут иметь смысл только, если они будут эротического содержания. Повернув голову к картине за спиной, на которой был изображен богатырь на коне, он воскликнул:

– В трусах и на коне!

– Думаю, Вы бы хорошо смотрелись «в трусах и на коне», – поддержав шутку, я позволила войти разговору в недопустимое русло.

Прозвенел звонок, и Александр Эдуардович заметил, что мне пора идти на занятия. Но мои две пары на сегодня были удачно преодолены, поэтому нужно было только выждать время до встречи с подругой. Сам же он собирался почитать газету о спорте в ожидании следующей лекции, которая у него должна была быть через «окно»[4].

Не спеша никуда, мы продолжили обсуждать его сайт, которым я хотела завладеть, потому что любила во всем порядок, который хотела там навести. А еще мне катастрофически важно было оказаться кому-то полезной и нужной, именно это было причиной нарушения частных границ, которые я отчаянно захватывала.

И вот уже через два дня, у меня был доступ к управлению сайтом. Наседая на Богданова, я добилась от него биографию, написание которой он мог доверить только себе, и обещания принести старые фотографии, которые я должна буду отсканировать и выложить в сеть. Контакт был установлен, и мне разрешалось звонить для решения рабочих вопросов. Вот только время для разговора было странным образом ограничено: только в будние дни в 19-ть часов. В чем была причина такого регламента, еще предстояло разобраться, а пока я довольствовалась малым.

[4] Окно – разговорное определение свободного времени между парами.

10. Караул

Моя жизнь, точнее часть ее, что протекала в стенах гранитного здания, приобрела новый смысл, который стучал в висках с силой палача наносящего удары плетью – так же бездумно и безжалостно. Сложно было сориентироваться в расплывающемся пространстве чувств, которые неумело рвались наружу. Я не была скромной девочкой, мне просто сложно было ощущать себя частью общества, которое зарождало в мозгу незримую, а потому беспомощную тревогу – оградиться и не замечать. На этой волне я могла столкнуться с себе подобными, и тогда мой мир открывался для того, чтобы впустить в себя еще одну единицу.

Я пока не знала, был ли этой единицей Александр Эдуардович, но то, что он оказался на моей волне – было очевидно так же, как и то, что Владимир, возвышающийся над Днепром[5], держал в руках крест.

Раздобыв его адрес, а так же расписание занятий, которое не сложно было вычислить по общеинститутскому, цель сформировалась неожиданно – необходимо было узнать, какие тайны впитывает его жизнь? Чем больше я с ним общалась, тем больше убеждалась, этот шкаф хранит не один скелет, поэтому мое привычное существование изменилось, разбавив непоколебимую до этого дружбу, вечерним караулом у третьего подъезда дома 26 по улице Героев Днепра. Этот подъезд стал моей колыбелью, исключающий возможность сна без такого сладкого укачивания.

Ровно в 17:00 напротив подъезда я с замиранием сердца ждала, когда объект появится, наполнив этот серый и угрюмый мир светом. За моей спиной с интервалом в 15 минут постукивал по рельсам единственный на этом маршруте трамвай под номером 16, который заманчиво приглашал в путешествие по улицам Киева. Но я не могла изменить своему безумию – мои глаза жадно вглядывались в пустоту огромного мира, отрешенно ища того, кто должен был вернуться с работы. Я всегда появлялась на час раньше, чтобы не позволить ему лишить себя ночного сна, который не наступит, если сказка на ночь останется не рассказанной. Иногда он возвращался домой поздним вечером, и я, промерзшая в ожидании, с облегчением уходила в метро, которое приближало меня к моему лучшему другу – трамвайчику третьего маршрута. Я не изменяла ему даже в безысходности. Сколько раз он возил меня домой, не умолкая, стуча в ответ моим сухим слезам. Наш путь всегда начинался от Площади победы, где старинная часть города дышала особой свободой слова, постепенно сменяясь на громоздкие безмолвные улицы. Прислонив голову к оконному стеклу, я вглядывалась в жизнь за окном, растворяя в ней иллюзорные картины будущего – не моего будущего, пророческой силой разума стираемого в порошок.

Домашний вечер наполнялся содержимым холодильника, которое почему-то бесследно исчезало во мне. Я ела без остановки, не в силах утолить приступ голода. И даже выдерживая несколько минут между приемами пищи, давая ей возможность послать сигнал в мозг о насыщении, я снова срывалась и начинала есть.

Внутри тревожился зверь, который так же, как и я, просил еду. И я, не переставая жевать, удивлялась нашему аппетиту.

Странно было то, что когда я была не одна, я совершенно не хотела есть, даже, если с предыдущего приема пищи прошло достаточно много времени. Но как только я оставалась наедине со своими мыслями, продукты в бесчисленном количестве и в страшном сочетании употреблялись мной без остановки. Я могла есть несколько часов, после чего через силу заставляла себя лечь спать. Иногда удавалось заснуть, а иногда, мучимая чувством не прекращае-

[5] Речь идет о памятнике крестителю Руси Владимиру Великому

мого голода, я вставала за полночь и брела к холодильнику, за очередным бутербродом или чем потяжелее.

А еще жутко хотелось с кем-либо поговорить, и тогда я погружалась в ночную переписку с подругой. Она всегда меня выручала в такой момент, моментально отвечая на мои ночные СМС.

11. Роман Богданова

Поглощенная процессом познания объекта через его труды, созерцательность вводила в забвение, набрасывая на разум завуалированные образы персонажей книги. Сознание отказывалось воспринимать смысл бытия, ища бессознательное между строк, в надежде, что автор все же оставил тайное послание, не сумев избавиться от человеческой приземленности в виде простых эмоций, которые иногда говорят за нас. Но в этой книжке не было ничего, за что можно было зацепиться. Либо этот космос был не подвластен бушующему любопытству, либо написано было столь гениально, что познать автора через текст не представлялось возможным.

Перевернув страницу, я на мгновение взглянула в запотевшее окно, за которым медленно проплывал осенний Киев, со своими каштанами и тополями, сбрасывающими листву, обнажая уставшие за лето стволы; со своими пятиэтажками времен социализма, безвкусно разбавленными современными высотками; со своими дорогами, на которых совсем не осталось отечественных машин; со своими людьми, поддерживающими движение всеобщего ритма. Город жил своей безразмерной жизнью, в то время, как в моих руках жизнь остановилась, создавая лишь иллюзию перехода во времени. И все-таки я не понимала, что являл собой текст, где ели различимы были чувства героев, в то время, как чувства – это единственное, что определяло бытие.

Трамвай зашел под пешеходный мост, протянувшийся через дорогу, и на секунды салон накрыла полутьма, вызывающая в голове образы непримиримой свободы. Точно так же во тьме утопают улицы города, задыхаясь от борцов невидимого фронта, желающих раскрасить историю красками огня и крови. Непримиримо между собой, не принимая сожаления, они уничтожали все вокруг себя, дабы показать отсутствие смирения и право фальшивого выбора.

Мы двигались вперед, и свет снова наполнил жизнь красками, а мои глаза вернулись к изучению совершенно не интересной жизни героев романа Богданова. Зачем он вообще написал роман, если не захотел обнажать чувств, утопая в обыденности? Для раскрытия смысла жизни, которое ему в прочем удалось много больше, можно было выбрать иной жанр. Совместно с разочарованием пульсировала мысль, что Александр Эдуардович глубоко одинокий и несчастный человек совершенно не разделяющий любви и привязанности, и именно это сыграло с его героями злую шутку, не наделив их тем, что позволяет читателю сопереживать, а значить искать логического заключения вместе с ними до самой последней страницы.

Я достала из кармана джинс телефон, чтобы посмотреть время, и увидела два неотвеченных вызова, которые безжалостно били по нервам моей подруги. Стянув наушники на шею, я оказалась захваченной происходящей действительностью, которая совершенно не вписывалась в мои планы. Набрав Каринин номер, прислонила трубку к уху, стараясь хоть как-то обратно отключить людей, соприкасающихся со мной под предлогом пассажирской перевозки.

– Привет! – прозвучал мой голос с чувством вины, разделяя опасения подруги, которые она, в прочем, еще не высказала. Но я слишком хорошо знала не только ее внешние черты, но и внутренне, передавая их в зеркальном отраженье глаз даже в тот момент, когда рядом не было карандаша и бумаги.

– Привет! – недовольно начала Карина. – Ты где?

– Я? – произнеся на автомате, стала смотреть в окно, пытаясь сориентироваться в пространстве. – Юность проезжаю.

– Опять на трамвае катаешься!?

Она лучше всех знала о моем нездоровом трамвайном увлечении. Часы, дни и года проведенные с прислоненной щекой к трамвайному стеклу, с затуманенным взглядом, настолько красноречиво описанные в моем дневнике, вызывали в ее глазах улыбку с неподдельным интересом: чем же меня пленил этот желто-красный кусок гремящего металла? Но мне было сложно

объяснить этому музыкальному гению силу внутреннего притяжения, как ей казалось, бездушного существа. Для меня же он приобретал особую духовность на весах человеческой жизни.

– Опять, – выдохнула я с легкой обидой за своего друга.

– Дуй домой, я тебя жду.

– Скоро буду.

Мне хотелось доехать до Кольцевой, до которой оставалось две остановки, но пришлось сойти на следующей, чтобы пойти домой. В планы тесно вписывались коррективы.

12. Подруга

В подъезде я встретила Карину, которая ждала моего возвращения.

– Что это за книга? – Выхватив бессмысленный роман, подруга прочитала его название: – Львовский роман. Оригинальное название!

– Не менее оригинальный текст внутри, – усмехнулась я.

– Что-то хорошее?

– Полнейший бред и бессмыслица!

– Бред, говоришь? – Карина открыла страницу наугад и стала вслух читать ни о чем не рассказывающий текст, который больше был похож на галлюцинацию больного человека. – Интересно, что курил автор перед тем, как выдать этот бред?

Мы рассмеялись, и мне даже не было обидно за Богданова, который оказался очередным бездарным самозванцем.

– Зачем ты вообще этот бред читаешь?! – Воскликнула Карина, после чего на обложке прочитала: – Александр Богданов. Это тот самый Богданов? Лиза! Только не говори, что ты влюбилась?!

Я молчала, не зная, как объяснить подруге свое отношение к этому одновременно пугающему и притягивающему меня мужчине. Какое-то притяжение на энергетическом уровне, но это не была влюбленность, которую мне так пытались навязать. Но что это? Я не понимала. Так же, как не понимала жизнь в действительности. Почему обязательно нужно было что-то объяснять? Мне просто интересно общаться с этим человеком, и все. Не нужно искать какой-то скрытый смысл и тем более чувства, на которые я вряд ли была способна.

Мы зашли ко мне домой, и Карина со своей особой любовью к чужим вещам принялась изучать мою комнату на предмет чего-то нового. Она была у меня не так часто, как я у нее, поэтому за время ее отсутствия я успевала захломить комнату новой, как она выражалась, ерундой.

Что уж поделать, если я совершенно не умела тратить деньги и ограничивать себя в покупках? Приходя в магазин, я бездумно бродила по рядам, рассматривая прилавки с разным товаром, покупая то, что мне заведомом не пригодиться, но с мыслью: «А вдруг?». Иногда я представляла, как сделаю то или иной произведение с помощью вот этих красок или вот этих предметов. Покупала всего и побольше, но никогда к этому не прикасалась. Все так и валялось, пока не приходила в гости Карина и не очищала мою комнату от ненужных и бессмысленных предметов. Единственное, что я не давала трогать, да она и не пыталась, это бесчисленное количество тетрадок и блокнотов, которые я скупала каждый поход в магазин. Да, я очень много писала и рисовала, но все равно не достаточно, чтобы использоваться свои много годовые запасы.

Таким шопоголиком я была! Пусть и не любила тратиться на одежду, которую наоборот предпочитала старую и поношенную, но остальное скупала с лихвой!

13. На Mail.ru

Погруженная в мировую паутину, я сидела перед монитором, в котором глазами полными надежды, пыталась посылать невидимые импульсы новому контакту соц. сети – Богданову. Два дня назад он добавил меня «В друзья» на своей страничке Mail.ru, снабдив новым неизлечимым заболеванием – гипнотическим желанием смены значка напротив его имени с «offline» на «online». И теперь к моим ежедневным вечерним караулам под окнами добавилось еще это. Несмотря на то, что по природе своей я была жаворонком и ложилась достаточно рано, сейчас мне приходилось засыпать за полночь на клавиатуре, вздрагивая от звука уведомления о новом сообщении, которое я открывала с непоколебимой надеждой, хоть и знала, что это всего лишь очередной СПАМ. Но разочарование накрывало меня намного позже, когда время на часах переваливало час ночи, а Богданов в сети так и не появлялся.

Еще тяжелее было, когда долгожданный контакт появлялся в сети, проходило минут 20, но моя страничка продолжала предательски молчать, не признавая силы ожидания, после чего контакт пропадал, вызывая на глазах слезы от обиды за безнадежное желание. Мне не составляло трудности написать первой, но даже тогда, я могла остаться задушенной нарастающими обидами, так как этот мужчина не признавал виртуального общения, лишая меня хоть какой-то доли радости. Мои сообщения одно за другим проваливались во Вселенную, оставаясь задушенными временем, разбиваясь о собственные пределы допустимого. Сложно было понять, что делало Александра Эдуардовича столь ограниченным, в то время, как жизнь свою он демонстрировал без застоя социализма. Возможно, причина была банально проста и крылась во мне? Ведь я была для него всего лишь очередной студенткой, не сомневаюсь. Эти угнетающие душу мысли раздирали ее на клочки, заставляя метаться, как только что пойманному зверю в клетке. И клыки этого зверя были обнажены, не различая врагов и друзей, пытаясь выстоять в безумной схватке за свою никчемную жизнь.

Неужели так сложно ответить? Если Вам неприятно общение со мной, так и скажите!

Выбила я дрожащими пальцами и занесла указательный над клавишей Enter, понимая всю безумность данного текста, но не в силах сдержать эмоций. Еще несколько секунд палец оставался в воздухе, после чего безжалостно ударил по клавише, определяя дальнейшее существование к принадлежавшему телу. Теперь он наравне с еще тремя соседями безудержно расчесывал локтевой сгиб левой руки, принося своей обладательнице не столько облегчение, сколько мучительную боль за содеянное и скорую расплату.

Буквально через полчаса цветовая схема контакта изменилась, и нижняя панель замигала уведомлением о новом сообщение, ударив таким желанным сигналом по угнетенным барабанным перепонкам. Импульс мгновенно отозвался в мозгу, посылая сигналы по всему телу, которое напряглось в ожидании.

Не говори глупостей, Лиза! – написал он.

Видя, что Александр Эдуардович находится в сети, я поспешила зацепиться за столь неожиданное внимание:

Почему тогда Вы игнорируете мои сообщения?

Поговорим при встрече! Уже убегаю.

И контакт снова покинул сеть, лишая меня возможности добавить что-либо. Может быть, это было и к лучшему, потому что откровенность в такие минуты зашкаливала, и я могла просто сказать напрямую о своих чувствах и переживаниях, что никому из нас не было нужно. Наивность не была моей чертой, чтобы дать слепую надежду на то, что этот мужчина будет когда-нибудь мной завоеван, пусть и в качестве друга. Студентка и преподаватель – такое возможно только на страницах любовных романов! А моя надежда снова била по легким, заставляя их требовать воздуха, безнадежно растворяющегося на пути к ним.

Совладав с дыханием, я вытерла слезы, и открыла сайт Богданова, который мне, в силу ограниченных со стороны администратора возможностей, удалось немного скорректировать. Главная и последующие страницы были снабжены одним единственным фото, довольно неприятной наружности, но за неимением другого – приходилось довольствоваться этим. Если бы меня спросили, что в нем не так, я бы, не задумываясь, ответила: Он здесь слишком старый! А если провести симметричную линию, разграничивающую его лицо, создавалось впечатление, что в этом человеке обитают две противоположные личности, или души, кому как угодно будет. И если кто-то скажет мне, что во всем живом присутствует две противоборствующие половины, я добавлю: В нем они ярко выражены и невозможно укрыты от сути понимания.

14. Переход на «ты»

Мое призрачное присутствие на парах было разрушено с подачи культуролога, нелепо вписавшегося в мое биополе, неожиданно выхватив у меня тетрадку, казавшуюся ему лекционной, но оказавшуюся личным дневником. Его слова «А вот Лиза подскажет нам, что мы обсуждали на прошлом занятии», разбились о собственную бестактность, как только он открыл потайную комнату, наткнувшись на свой портрет, выведенный моей рукой, и подпись под ним: Кажется, я влюбилась.

Мой взгляд в этот момент готов был убить даже столь обожаемый объект, разрывая в клочья остатки нетленного сознания. Александр Эдуардович, несомненно, понял, что зверь готов впиться клыками в его незащищенное горло, которое приобретало багровые пятна, выскальзывая из обычной уверенности. Он быстро вернул тетрадь хозяину, не раздумывая, умело выйдя из неловкой ситуации:

– Мы говорили, что Шпенглер рассматривал своеобразие мировых культур, как неповторимые органические формы.

Он повернулся ко мне:

– Спасибо, Лиза.

Я опустила руки под парту и стала расчесывать. Если бы не длинные рукава, через которые смягчалось безумное царапание, то они были бы разодраны до крови. Мучения усугублялись периодическими взглядами, посылаемыми мне в знак вопроса: «Неужели правда, Лиза?». Это было невыносимо! Еще один взгляд и зверь предпочел спасаться бегством. Собрав свои вещи, в спешке бросив их в сумку, я выскочила из аудитории.

Завернув за первый угол в этих безумных коридорах гранитного здания, я прижалась спиной к стене, чувствуя сильное головокружение. Виски сдавленные невидимыми тисками, ощущали не просто пульсацию, а беспощадные удары, каждый из которых казался сильнее предыдущего.

Потеряв ориентацию в пространстве, ощущения приобрели приземленность, когда моей руки кто-то коснулся. Не сразу поняв, что осмелившийся нарушить интимные границы был тем же, кто заставил их обостриться, я одернула руку, и вернувшийся взгляд зверя пронзил своего обидчика.

– Лизонька, прости меня, – прозвенело в моих ушах. – Я же не знал, что там…

– Что ты вообще знал!? – взорвалась я. – Что ты вообще понимаешь!?

– Я не заметил, когда мы перешли на «ты», – прозвучало как-то неуклюже встревожено из уст моего оппонента.

– Тоже пропустила этот момент! По-моему, со студентами ты общаешься на «Вы», чем я заслужила такое внимание?

Заминка с ответом стала сигналом к бегству, прервавшееся новым хватом за руку.

– Руки! – Пока еще сдерживая свою ярость, прошипела я.

– Вы заблуждаетесь, Лиза! Я все-таки профессор и требую к себе должного уважения.

– Убери руки, профессор!

Кажется, мой взрыв его напугал, тиски разжались, и я скрылась, пока профессор переваривал поступившую информацию, ускользавшую от него до этого.

Пролетев без оглядки до трамвайной остановки, зверь забился в свое логово – переднее место, как нельзя кстати, было свободно, и щека снова нашла свое утешение на плече – оконном стекле желто-красного друга. Не важно, куда вели нас рельсы, мир принадлежал только нам! Мысли, чувства, снова мысли в безумном хороводе крутились в голове не оставляя шанса вырваться из этого круговорота, всасывающего словно огромная воронка. Моя взорвавшаяся наглость перевела стрелки, заставив свернуть не туда. Как я могла сказать ему ТЫ!? Как дальше

общаться? Смогу ли я загладить вину, да и хочу ли этого? Мне нравилась новая позиция, сближающая – стягивающая невидимой нитью таким наглым «ты». Стоит ли возвращаться к столь отстраненному, обыденному и условному обращению, в то время, как случайность открывала новые горизонты? Но больше всего пугало произношение его имени. Нет, назвать его Александр Эдуардович, я уже не смогу, но и Саша казалось полным безумием, упирающимся не только в возраст, но и в статус. Что не говори, а он, действительно, профессор, а я всего лишь студентка.

Безнадега затягивала, и пальцы вновь тянулись к расчесанной от безысходности коже.

15. Он позвонил

Вечер утопал в девичьих слезах, разбивая бессмысленные мечты о борт непотопимого корабля под кричащим названием «Надежда». Понимание того, что такие хрупкие отношения были разрушены собственной рукой еще чуть-чуть и могли довести до греха, мелькающего в воображении в виде кровавой драмы. «Неужели он не захочет со мной больше разговаривать? Что же я наделала!? Можно ли что-нибудь исправить?» – эти и другие мысли разлетались бурным потоком, занимая свои ниши в глубине сознания.

Я уже готова была просить прощения, унижаться, втаптывать себя в грязь, лишь бы наша последняя встреча не оказалась, действительно, последней. Мне было все равно, что он обо мне подумает, что и как скажет. В голове крутились разные варианты разрешения ситуации, но в итоге, руководства к действиям не рождалось.

Открыв ноутбук и вытерев заплаканные глаза, чтобы ясно видеть монитор с его содержимым, мои руки уже были наготове к письму. Но набранный текст неоднократно стирался и печатался снова, не устраивая своим содержанием, выбивающий последние капли эмоций, пропитываясь несвязным бредом. Я не могла решить, как к нему обращаться, а главное, что сказать.

Александр Эдуардович появился в сети, но письмо было еще не готово, а потрепанные нервы могли ответить только новой порцией слез, от безысходности и обиды за свое жалкое положение. Хотелось, чтобы он почувствовал, как мне плохо и написал первый, но он, увы, был лишен экстрасенсорных способностей, и мои сигналы, посылаемые взглядом в монитор, продолжали биться о несуществующую реальность.

А если бы он знал, что сейчас со мной происходит, ответил бы? Или наоборот, решил избавиться от надоедливой студентки путем игнорирования? А может, он именно это и делает, догадываясь о моих чувствах? Ведь он видел мой дневник, видел свой портрет в нем. – Каждая мысль взрывалась новой соленой волной.

Контакт вышел из сети. Горло сдавило огромными тисками, а легкие забились в новом приступе, отвергая поступаемый кислород, будто бы не нуждаясь в нем. Но воздуха катастрофически не хватало – так обманывался организм, бросая все силы на борьбу со стрессом, выводящим функциональность из строя.

Телефонный звонок, как привет с того света, наполнил комнату любимой композицией Океана Эльзы, которую сейчас я готова была возненавидеть – так мне было ужасно ощущение вмешательства в мою боль. Кто бы не звонил, зверь забился в угол и не мог услышать чей-либо голос, проникающий из трубки в логово. Телефон не умолкал, и уже хотелось разбить его о стену, но страх перед этим дребезжащим монстром только усиливался, лишая возможности к нему даже прикоснуться. Что это было? Реакция выходящая за пределы реальности, лишенная понимания и не пропускающая смысла.

Как только чудовище смолкло, раздался короткий сигнал, оповещающий о новом сообщении. Состояние приходило в норму: любовная истерика была выбита телефонным стрессом, лишенным право на существование в безликой тишине.

Взяв телефон, я увидела два пропущенных вызова от Александра Эдуардовича, и сердце снова захотело вырваться из моей груди. СМС тоже было от него:

Лиза! Отвечай же!

Могла ли я в тот момент узреть в его приказном тоне страсть к подчинению? Конечно, нет! Я видела лишь одно: Он хотел со мной поговорить!

Но говорить, говорить я сейчас не могла. Страх перед телефоном сковывал не просто мышцы, но и внутренние органы, приводя к новым сбоям системы. Руки тянулись к рукам. Воздух отторгался легкими, а голова горячей волной расходилась в танце.

Не могу сейчас говорить. – Написала я в ответ, и поняла, что ради одной такой СМС стоит жить – столько эмоций она давала.

– Давай встретимся?

И вот мы уже договаривались, где и когда произойдет это волнительное событие, а я все еще решала, как вести себя при встрече и как к нему обращаться?

16. Встреча

Мы должны были встретиться возле института в 17:00, где я стояла уже часом ранее, не в силах усидеть дома или посвятить свой день какому-либо занятию. Даже карандаш не поддавался руке, искусно владеющей им до этого дня. Почва уходила из-под ног, срывая в полет воображения, от одной мысли об этом мужчине, держа в своем плену до самого его появления, которое ознаменовалось новым для меня ощущением неизбежности – дрожью в коленках. Меня пугал не сам Богданов, не то, что могло между нами произойти, а ощущения абсолютно незнакомые и не управляемые, заводящими в потаенные уголочки вселенной, растворяясь при возможности самопознания. Видимо, познать их можно было – не познавая.

Александр Эдуардович, подбежал ко мне, как всегда неожиданно, вырвав из потустороннего осознания мира, слегка обняв и поцеловав в щеку. Если бы моя реакция была более активна, ему пришлось бы отведать и моего ответного прикосновения – кулаком по небритой щеке, но внезапность сыграла против меня. Поэтому, отойдя от него на безопасное расстояние, я услышала свой противный голос:

– Привет.

– У меня еще одна пара, – парировал мой молчаливый собеседник, – Но если ты подождешь, я отпущу студентов через 20 минут и мы сможем погулять.

– Хорошо.

– Не хочешь пройти в институт? Ты можешь сесть в аудитории.

Наотрез отказавшись, понимая насколько это сложная для меня задача – сидеть в аудитории, еще и под пристальным взглядом, недоумевающих студентов, я согласилась подождать на этаже.

Когда, по прошествии 20 минут, студенты выходили из аудитории, где им только что читал лекцию Богданов, они весело переговаривались о столь непривычном преподавателе. Приближаясь ко мне, разговоры становились отчетливее, и уже скоро я смогла разобрать, как одна студентка говорила своей подружке, что он неоднократно к ней клеился.

– Да он придурок озабоченный! – вмешался в разговор их сокурсник.

– Да, и от его Фрейда уже тошнит! – заметила подруга.

Стало как-то неприятно от этих слов и даже обидно за Александра Эдуардовича, и я уже боялась, что он выйдет следом и услышит, но чуть позже вышли еще две студентки, которые, видимо, его и задержали.

– Заходи! – выглянув из аудитории, пригласил он.

Дрожь в коленках превратилась в цементное обмундирование, лишая движения привычной легкости – зверь входил в свои права.

– Мы собирались на улицу, – возразила я, пытаясь совладать с приступом бешенства, подкатывающего к горлу, в желании обнажить оскал.

Видел ли он это? Чувствовал? Сложно было представить, что мой взгляд мог не выдать всей той злости, что из него лилась, и никакая ослепительная улыбка не могла усмирить его.

– Хорошо, я только куртку возьму! – прозвучало согласие, и Богданов скрылся в аудитории.

– Ты извини, за прошлый раз, – уже на улице начал Александр Эдуардович мусолить такую неприятную тему. Мне казалось, он сейчас заговорит о моей тетрадке и его портрете, но он тактично избежал этого, коснувшись только перехода на «ты». – Мне казалось, нужно держать дистанцию, но я не против.

– Можно вопрос? Личного характера. – Лишая себя хоть какой-то капли благоразумия, моя любознательность перла вперед.

– Спрашивай.

– Ты женат?

– Разведен.

Он не поднимал на меня глаз и вообще старался смотреть больше в сторону или перед собой, странным образом лишая меня обычного контакта – единственного, на который я сейчас была способна.

– Почему? – продолжало мое любопытство, вступившее в сговор с воображением, но еще пытавшееся узнать истину.

– Так! – резко возразил Александр Эдуардович, не желающий продолжать данную тему. Но его глаза по-прежнему были мне не доступны.

– Что «так»!? Я спросила что-то не то?

– Здесь не о чем говорить! – Его тон не оставлял вариантов.

Теперь уже любопытство было задавлено обидой, но воображение не сдавало своих прав, рисуя этюды неизведанно-познаваемой жизни. Все процессы черепной коробки были поглощены столь увлекательным занятием, и лишь разум выступал в качестве обвинителя, желающего покарать обидчика, окончанием встречи. Но как же сильны над нами чувства, заставляющие сгорать заживо в огне любви с нетленной улыбкой на губах. Я добровольно взвалила на себя крест и поднималась на Голгофу[6], вопреки всем ошибкам человечества, желая лишь вкусить этот плод перед распятием. Ступни обдавало ветром, раздирая кожу об острые камни, а глаза слепило солнцем, пробивающимся сквозь грозные тучи. Солнцем, освещающим путь сквозь земной ад – раскидывающим вокруг костры, сдавливая легкие их дымом. Это был мой путь – путь не вытоптанной тропы веры, любви и надежды.

[6] Голгофа – гора, на которой распяли Христа.

17. Поток сознания

Домой после вчерашней встречи я возвращалась с переполнявшими мыслями голову, стремительными потоками переплетающихся внутри вопросов, разглядеть сквозь которых истину не представлялось возможным. Почему он не захотел говорить о себе? Не доверяет? Не считает нужным делиться? Или сковывают внутренние разногласия? Но ведь он сам предложил встретиться! Зачем? Решил поиграть моими чувствами? Ответить на них? Или же просто пожалел? Он никогда не смотрит мне в глаза? Чего он боится? Или же причиной всему мой дикий взгляд, которым я испепеляю всякий раз, когда он дотрагивается до меня в безобидной попытке подать руку или пропуская вперед, касаясь моей спины? Сложно представить какие метаморфозы скрывает чужая черепная коробка, когда не можешь разобраться, что же твориться в твоей!

Глаза затягивала белая пелена, а руки жадно тянулись к расчесанным местам, дабы покончить с тем бредом, что творился в голове, и даже стук родного трамвая не успокаивал, как прежде, являя собой лишь незримую связь с прошлым. Его истории я уже не слушала.

Ночь была переполнена снами, странным образом затрагивающими предшествующую им встречу. В моих руках оказался сотовый телефон, и я набирала домашний номер Богданова. Трубку взяла его мама, которой я, как на духу, выложила все свои чувства.

«Все-таки я влюбилась» – первая мысль моего пробуждения ударила новым потоком, разрушая сознание. Остатки сновидения еще держали, и сложно было сориентироваться, где же начиналась действительность? А была ли та действительность, за которую я так жадно хваталась, обнажая до того неприкосновенную душу перед человеком, едва ль достойного такого откровения? Разум еще боролся с эмоциями, ведя пропаганду безоглядного бегства, но его немые крики превращались в бессознательные импульсы, теряющими свою силу на подступах решительных действий.

Бежать было бессмысленно! Я сдавалась.

18. Оправдания

День сменял другой, теряя ночи в потоках бессознательного. Чем больше проходило времени, тем сильнее пульсировало в висках, рождая все новые и новые мысли, разбивая о скалы неизбежности такие никчемные желания. Он не звонил, не отвечал на СМС, и даже электронные сообщения уходили в никуда.

Но сегодня был понедельник, вносящий во мрак свет очередной парой культурологии. Я знала, что увижу Его, а потому с самого утра буквально парила, отбрасывая крыльями прошлые обиды. Карина, трамвай, институт – неизменный маршрут с его наполнением, но уже новыми эмоциями.

Не успев переступить порог аудитории, я почувствовала на своей спине руку, не вызывающую сомнения по поводу ее обладателя – это был Богданов, буквально втолкнувший меня в пока пустующее помещение, заскочив следом и закрыв дверь.

– Привет! – услышала я уже привычный голос снабжаемый улыбкой, но ответила без аналогичного энтузиазма.

– Ты на меня обижаешься? – продолжал бить по моим перепонкам напев сопрано.

– Я тебе писала, звонила, но ты даже не соизволил ответить! – недовольно выдала я. – Неужели так сложно было?

– Я был занят.

– Так занят, что не мог написать СМС в течении… – в голове пролетел подсчет потраченных на ожидание дней. – Четырех дней?

– Я ее не сразу увидел, а потом был занят.

– А позже ответить?

– Потом я забыл.

– А на почту я тебе писала, тоже забыл?

– Лиза, не начинай! Ты знаешь, я терпеть не могу этих переписок!

– То есть это, по-твоему, нормально, не отвечать на сообщения? А ничего, что я работала над твоим сайтом, и мне нужно было с тобой посоветоваться!? Ты же сам запретил мне размещать что-либо без твоей редакции!

– Давай посоветуемся, – казалось бы, отбивая мои упреки, улыбнулся он.

Меня же еще больше раздражало, что он просто отказывается замечать проблему, избегая ее решения.

– Не обижайся. – Моей руки коснулся электрический разряд, посылаемый сквозь его пальцы, отбросивший меня на пол метра. – Пойми, я не такой, – продолжилась оправдательная речь. – Я не могу целыми днями сидеть в сети. Не могу постоянно писать СМС-ки.

– Постоянно? Да ты хоть раз мне ответил!? Я что прошу со мной переписываться? Ты можешь просто ответить хоть что-нибудь!?

– Я отвечу, ты зацепишься и продолжишь, что я не знаю?

– Да не собиралась я с тобой переписываться, мне просто нужно было вопрос решить!

– Хорошо, в следующий раз буду отвечать. Не дуйся. Пожалуйста.

Ужасно болела голова, казалось даже, я сейчас грохнусь в обморок, но собрав все свои силы, держалась на ногах. Руки начинали чесаться, но и тут я не могла себя выдать, беспомощно сжимая кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Бежать. Нужно было бежать, пока зверь полностью не вступил в свои права, вгрызаясь клыками в горло обидчика, раздирая его в клочья, наслаждаясь вкусом крови. И снова меня ударила током рука Богданова, сомкнув пальцы на запястье. На этот раз хватило взгляда, чтобы мой обидчик сам покинул поле боя.

– Я позвоню, – услышала я на прощание, прежде чем дверь за ним закрылась.

Пара по экономике пролетела в черно-белом цвете моих рисунков, которые помогали мне пусть и не привести мысли в порядок, так заткнуть их выкрики потоком самовыражения. Более сложным испытанием стала культурология, совмещающая в себе желание увидеть объект своей любви и не видеть объект обиды. Все 1,5 часа я не отрывала глаз от тетради, выводя новые сюжеты иррациональной жизни, вырывающейся из неизведанных глубин сознания. Что значили эти сюжеты бытия и какую цель несли в себе, ответить было сложно. Единственное, что имело хоть какой-то смысл – сублимируя потоки негативной энергии, мой зверь не искал земного существования, довольствуясь глубинными далями души. Зверь спокойно спал в дальнем углу клетки.

19. На месте преступления

Ежедневный вечерний караул был своеобразной отдушиной – я могла видеть Александра, незримо присутствовать в его жизни, и в то же время не соприкасаться с ним непосредственно, лишая себя возможности дышать полной грудью. Каждый вечер я с радостью замечала любимую фигуру без какого-либо женского вмешательства. Он никогда не приводил домой женщин! Но были дни, когда он просто не возвращался домой, или возвращался настолько поздно, что я не могла его увидеть, уходя с поста раньше. О том, что он дома, я узнавала из телефонного разговора, который рождался под предлогом работы с сайтом, подразумевая выход в интернет, как доказательство присутствия в родных стенах, ибо вне их доступа в сеть не было.

Мои тетрадные карикатуры прервал звонок, которого я так не боялась вне своего домашнего убежища. Здесь, на улице я была поглощена людским потоком, невольно соприкасающимся с моими границами, нарушая привычный механизм защиты.

– Привет, – послышался голос утреннего обидчика, взывающий своей теплотой к примирению.

– Привет, – услышала я свой, будто бы вырвавшийся из ада, настолько он был мне противен.

– Больше не дуешься?

– Нет.

– Ну и хорошо! А я сейчас подумал о том, что хорошо было бы разместить статью о моей книге на сайте. Это технически возможно?

– Конечно.

– Хорошо. – Это слово получалось у него настолько наивно смешным, что вызывало у меня улыбку.

И он стал посвящать меня в свои идеи о смысле бытия простирающегося на страницах его романа, о идее судьбы, и познании мира через призму исторических событий, охватывающих Украину с времен перестройки. Мне сложно было согласиться с тем, чего я не понимала. И сложно было изобразить восхищение сим трудом, который меня совершенно не впечатлил. Более того, я считала, что главный герой обычная пустышка, которая не несет в себе абсолютно никакого смысла и уж тем более не вызывает интереса к желанию познания мира путем его скитаний во вселенной людского космоса. На этом моменте мы перешли на повышенные тона, разбавляя нашу беседу нелестными высказываниями в адрес друг друга. Мне было высказано, что я глупая, ничего не понимающая девчонка, несущая бред, а он, как ни как, профессор, доктор наук, который написал не одну книгу, а потому лучше знает, как писать. С подобными аргументами трудно было спорить уже потому, что мудрость, позволяющая сгладить конфликт до его появления, была этому мужчине не доступна. Лавры профессора затмевали не только ее, но и оставшуюся часть разума, отвечающую за элементарное уважение к женщинам, которым он так искусно блистал в институте. Мне предстояло выслушать прорвавшийся поток агрессии, в заключении которого Александр произнес:

– Этого я тебе никогда не прощу!

Так самоотверженно он защищал свое детище мыслительно-литературного творчества.

– Мне уже нельзя высказать свое мнение? – на последнем вздохе пробурчал во мне обиженный читатель.

– Тебя о нем никто не спрашивал! – грубо ответил оппонент. – Хочешь поговорить, общайся об этом с травой, с водой.

– Хорошо, пойду общаться «с травой, водой». До свидания!

Я нажала клавишу сброса и бросила трубку на землю. Злость наполняла изнутри, вырываясь наружу. Пульсация в висках беспощадно била по нервам, и я уже не желала оставаться

на этом месте, понимая, что этот невоспитанный мужик, видящий только себя и тех, кто им восхищается, меня не интересует! Общаться с ним дальше, втаптывая себя в грязь при помощи его оскорблений и вечных игноров, я не собиралась, и, подняв телефон, сбросив очередной его дозвон, выключила связь и зашагала в сторону метро, чтобы поскорее уехать отсюда.

Мне не было больно от того, что вот так нелепо наше неокрепнувшее общение должно закончиться. Не было больно от того, что я его больше не услышу и не увижу, вне стен гранитного здания. Не было больно от того, что он так грубо со мной обошелся. Вся моя боль находилась под толстым слоем злости, извергающего лаву вулкана, тушить который было бессмысленно.

20. Перемирие

Не прошло и двух дней, как я получила электронное письмо от человека, который вызывал такой вихрь чувств, разрушающий монотонность привычной жизни.

Куда пропала?

Я сидела перед монитором, застыв взглядом на этих двух словах, и не могла понять, что это? Избегание ответственности путем игнорирования проблем или же просто попытка уйти от негатива? Что бы то ни было, но такая манера поведения была нормой для Александра и в какие-то моменты спасала меня от унизительных заигрываний в желании его вернуть.

Ответив потоком эмоционального бреда, я заключила новую идею – необходимо было создать страничку в социальной сети «В контакте», чтобы привлечь еще больше читателей к его творчеству.

Мое письмо, осталось без ответа, нанеся мне новый удар. Заканчивалась пятница, а это значило, что в выходные Александр пропадет со связи, уходя в какой-то свой, абсолютно мне не понятный, отдых, где нет ни людей, ни телефонных звонков, ничего. Получить ответ после выходных было так же невозможно, как вернуться в прошлое, ведь новая неделя не могла нести в себе части старой. Именно так думал Богданов, лишая свой космос хоть какой-то капли благоразумия.

И это все раздирало меня на куски бестелесной материи – потоки мыслей бились в конвульсиях, содрогаясь грудной клеткой в ответ соленым ручьям девичьих слез.

Утро субботы окончательно убило надежду, беспощадно втаптывая ее в гнилую кучу обид и разочарований.

Он не ответил. Он не ответит. Он снова меня игнорирует.

Сил сопротивляться душевным крикам не было, и я, взяв телефон, написала Александру СМС:

Если ты не хочешь общаться, так и скажи!

Ответа, как и ожидала, не последовало, и, покорившись отчаянию в отголосках безумия, я уже выводила следующее сообщение:

Ты обещал мне отвечать. Я же тебе поверила! А оказалось все обманом.

И снова тишина, и я уже не могла остановиться:

Хорошо, не буду больше тебе надоедать, живи, как хочешь! Прощай!

Нажав «Отправить», я бросила трубку на кровать и заплакала еще сильнее. Мысль о том, что все кончено когтями впивалась в горло, которое снова не пропускало воздух, но я жадно пыталась вобрать его носом, отчего не выдержали сосуды. Придерживая рукой носовое кровотечение я металась по комнате в поисках платка, но кровь уже сочилась сквозь пальцы, капая на пол и одежду. Я пулей проскочила в ванную и попыталась умыться, но кровь не останавливалась, еще быстрее растекаясь по мокрому лицу. Тогда я взяла полотенце и зажала им нос.

Через 5 минут я вернулась в комнату с импровизированными ватными тампонами в носу, которые хоть и приобрели красный цвет в считанные секунды, но кровотечение остановили. Вытаскивать их я боялась, зная, проблема еще не устранена.

Переключившись на руки, которые я с особым кайфом расчесывала, не сразу заметила, что телефон мигал, давая знать, что был пропущенный вызов или СМС. Взяв трубку и включив ее, я обнаружила 6 пропущенных вызовов от Богданова. Неужели он одумался, понимая, что я могу уйти?

И снова звонок.

– Алло? – тихо произнесла я, чувствуя вину за свои СМС.

– Что ты несешь?! – раздался недовольный голос Александра, раня меня еще больше.

– О чем ты?

– О твоих СМС! Ты что не понимаешь, что пишешь бред!? Я не мог ответить! И СМС не видел, я был занят. А ты пишешь и пишешь. А потом обвиняешь меня! Это же не справедливо!

– А молчать в ответ, это справедливо?!

– Ну, как ты не понимаешь, – сбавив жесткость, протянул он.

– Не понимаю! Это элементарная вежливость – ответить человеку!

– Ну, я не такой, пойми. Я не могу быть постоянно на связи. Не могу писать тебе. Никому не могу!

– Ты обещал.

– Так! Все!

– Не все!

– Хорошо, я буду тебе отвечать!

– Это я уже слышала.

– Я пообещал, чего ты еще от меня хочешь!? Я и так позвонил тебе в выходной, а ты знаешь, я в выходные ни с кем не общаюсь. Испортил из-за тебя день с самого утра.

В моей голове дрогнула мысль о том, что общение со мной портит его дни, но вслух я не высказала эту обиду, затаив ее глубоко в себе.

– Как у тебя дела? – уже совсем мягким тоном спросил Александр, резко сменив тему, дабы избежать таких неприятных для него разборок.

– Нормально, – абсолютно не вникая в поставленный вопрос, выдохнула я.

– Ты спрашивала что-то про «Контакт»? Давай обсудим это при встрече?

– Что там обсуждать? Все уважающие себя сайты уже давно имеют дубликаты в «Контакте»!

– Думаешь, мне это нужно? – с неподдельной заинтересованностью маленького ребенка пронеслось в трубке.

– Обязательно!

– Хорошо, я подумаю.

– Может, я уже сделаю это? Я бы могла выкладывать там цитаты из твоей книги, те же новости.

– От меня что-нибудь нужно?

– Хотелось бы фотографий, в остальном я сама все сделаю!

– Мне нужно сфотографироваться?

– Если у тебя нет свежих фото, я могу сфотографировать.

– Давай потом это обсудим?

– Хорошо. Но страничку я сделаю.

– Хорошо. Нужно заканчивать, трубка уже булькает. – Так он говорил, когда его телефон издавал жалобные крики о помощи, прося заряд.

– Пока.

– Пока. Целую, обнима… – Последнее слово так и осталось недосказанным, я сбросила вызов.

21. В ВКонтакте

Не успев создать страничку Богданова в «ВК», мне посыпались предложения «В друзья» от многочисленных студенток, которые наперебой стали писать сообщения:

Александр Эдуардович, рада видеть вас в Контакте!

Александр Эдуардович, мне нужно пересдать зачет, как это можно сделать?

Александр Эдуардович! Вы будите вести у нас на следующем курсе МХК?

Здравствуй, Саша! И ты здесь?;)

Последнее сообщение меня заинтересовало, а точнее его автор. Зайдя на страничку к этой женщине (судя по фото, ей было лет сорок), я стала изучать, пытаясь понять, что же ее связывало с ним. Могла ли она состоять с ним в отношениях? Возможно, так и было. Но с другой стороны, реальность била в виски – не могла же каждая, знающая его женщина, состоять с ним в отношениях. Причина всему была моя ревность. Во всех, с кем он общался – я видела потенциальную угрозу. Но не его любовная жизнь меня выводила из себя, а то мизерное количество времени, которое он мог бы уделить мне и которое я должна делить с другими.

На следующей неделе, как и было обговорено, мы встретились для того, чтобы обсудить работу, а так же, чтобы сделать несколько снимков для размещения в «ВК».

Александр долго водил меня по институту (встреча была там), становился то в один угол, то в другой, корчил гримасы, менял позы, и даже периодически доставал из заднего кармана джинс старенькую расческу, чтобы придать своему образу идеальный вид. Я щелкала затвором камеры, запечатлевая все изменения, чувствуя, что все не то. Уж как-то совсем нелепо выглядел этот мужчина на снимках, открывая передо мной изнанку своей харизмы – абсолютную нефотогеничность.

В конце фотосъемки я узнала, что вина всему – состояние «с бодуна», в котором Александр прибывал уже пару дней, выдергивая себя из запоя для того, чтобы сходить на работу. А после возвращался к бутылке, отмечая, таким образом, свое отношение к футболу, который занимал его вечера перед телевизором с сорокаградусной подругой.

– Ты пьешь один?

– Мне никто не нужен! – гордо заявлял он.

– Футбол обычно смотрят с пивом.

– Да? А я с водкой привык.

– Ужас!

И снова я отказывалась замечать отрицательные черты, заполняя весь свой мир присутствием этого человека в моей жизни. Было так хорошо рядом с ним, что не хотелось верить ни во что, кроме иллюзий.

Еще через неделю Александр подключился к своей страничке в «ВК» и стал лично отвечать на многочисленные сообщения поклонниц. Я же, как и планировалось, занималась ненавязчивой рекламой в виде цитат из его книги, размещаемых на «стене». Иногда мою работу прерывало сообщение, автоматически высвечиваемое в нижнем углу экрана, и я невольно видела его текст.

От каждого такого сообщения щемило в груди, потому что я ощущала катастрофическую нехватку внимания к своей персоне, а эти сообщения, как мне казалось, отнимали и до того редкое общение. Я так же понимала, чем больше их вижу, тем больнее они бьют по мне, поэтому, зайдя в настройки, изменила доступ до Его странички. Теперь писать могли лишь те, кто был в «Друзьях». Глупо было ожидать, что сообщения резко закончатся. Выходя каждый вечер в сеть, Александр добавлял все больше и больше новых «друзей», продолжая бить по больному. Но я не могла ограничивать его в общении, кто я была такая? Мне просто было

обидно, что мне он по-прежнему старается не отвечать, в то время, как другим, писал без остановки. А главное, объяснение было подобрано бесподобно! «Я не могу не ответить, это не прилично. Ведь люди меня спрашивают». Выходит, мне не отвечать – было прилично.

22. Германия

Шел уже третий месяц моего кошмара под названием «Давят гранитные стены», и, казалось бы, организм начинал адаптироваться к постоянному тиснению границ личного пространства, выбрасывая чуть меньше адреналина в окружающий мир лицемерного круговорота.

Прогулки в университетском парке утопали в опавшей листве, гоняемой ветром. Море, когда-то зеленого города, теперь валялось под ногами, сменив не только привычную окраску, но и растеряв жизненную силу. Несмотря на это, чувствовалась особая красота увядающей природы, манившая укутаться в осеннее одеяло желто-коричневых листьев.

Этому городу было отпущено два дня моего присутствия, и я предвкушала нашу разлуку, широко улыбаясь все еще яркому солнцу. Не было ни боли за оставляемый любимый город, ни сожаления за предаваемый на две недели трамвай, ни тоски за человеком, которого я видела лишь изредка в коридоре гранитного здания и 1,5 часа на занятиях по понедельникам. Впереди ожидало путешествие в один из популярнейших городов Германии – Кельн. В эту поездку мы отправлялись вместе с подругой и ее мамой, которая всегда относилась ко мне, как к своей дочери. Мама Люда (как я иногда ее называла) летела в командировку, согласившись взять в нагрузку двух дочерей при условии, что мы будем себя хорошо вести (а это мы умели) и развлекать себя самостоятельно, не нарушая ее рабочего ритма.

Первым делом мы с Каринкой пожелали увидеть знаменитый Кельнский собор и, конечно же, Ратушную площадь. Не думаю, что в этом желании мы чем-то отличались от обычных туристов. Но вот вторым нашим пунктом было желание изучить германские кладбища – место, где жизнь так тесно соприкасалась со смертью. В Киеве подобные места были нами изучены в мельчайших подробностях и уже давно не вызывали особого интереса, а вот в Германии мы никогда не были, поэтому хотелось сравнить, чем отличаются наши культуры – культура погребения есть одна из основных частей любой культуры.

Такими были наши незамысловатые планы на две недели по ту сторону Европы.

А сейчас я шуршала киевской листвой, волоча ноги по газонам университетского парка в ожидании подруги, более тщательно грызущей гранит науки в стенах Политехнического института.

Желание написать Богданову зародилось в моей голове, как всегда, случайно. Я посмотрела на часы, было 13:20. До 15:00 мне писать запрещалось, так как утренние часы у него были заняты написанием новой книги, с 13:00 до 15:00 сон час. И, не дай Бог, потревожить его в неустановленное распорядком время! В те дни, когда он преподавал, время увеличивалось до 19:00 – тот момент, когда он успевал вернуться с работы и поужинать.

Я не знала, были ли у него сегодня пары или он сладко спал в своей холостяцкой берлоге, да и не хотела знать! Все эти временные ограничения казались мне сущим бредом, подчиняться которому было верхом безумия. Поэтому с легкостью куртизанки я входила в чужую обитель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.